

Как стать миссионером...

Лев Бердников | 01.04.2018

Раввин, уроженец Германии, он стал убеждённым православным христианином и российским подданным, посвятив жизнь миссионерской деятельности и переводу Библии на русский язык.

Хофрат (Нойгаф) Левисон (1807-1869) родился в еврейской религиозной семье и гордился благородством своей фамилии, восходившей к легендарному Левию, сыну Иакова и Леи, родоначальнику одного из колен израилевых – левитов и коэнов. Его отец был раввином Гессен-Кассельской области и желал, чтобы и сын пошёл по его стопам. При этом рассудил за благо дать ему самое широкое светское образование. Так что Хофрат не только прилежно изучал Талмуд и еврейское богословие, но весьма преуспел в изучении языков и наук. Левисон-старший внимательно следил за успехами сына и не успокоился, пока тот не получил степень доктора в Геттингенском и Вюрцбургском университетах, и не занял, наконец, должность раввина в Веймаре. "В этом звании, - сообщал Хофрат, - от меня требовалось: с одной стороны, знание книг Ветхого Завета, Талмуда и еврейского чиновничества; а, с другой стороны, - знакомство с пастырским богословием и искусство писать проповеди, которые бы могла слушать образованная публика".

Надо сказать, что это было время торжества идей Хаскалы Мозеса Мендельсона (1729-1786), нашедшего множество последователей среди так называемых маскилов. Они выступали за принятие ценностей Просвещения, интеграцию евреев в европейское общество и роста образования в области светских наук, иврита и истории еврейского народа. Вслед за Мендельсоном, этим "еврейским Сократом", маскилы сосредоточились на переосмыслении основ иудейского вероучения; составили новые катехизисы; занялись религиозным воспитанием детей женского пола; при богослужении в синагогах тщательно следили за стройностью и благочинием, причём проповеди читали подчас на немецком языке. Они ратовали за толерантность и искали духовные скрепы с иными религиями, призывая в отсутствие синагоги молиться в протестантской кирхе. Дело дошло до того, что влиятельный ученик Мендельсона Давид Фридлендер (1750-1834) предлагал евреям даже принять крещение при условии, если их освободят от выполнения некоторых обрядов и позволят истолковывать по-своему христианские догмы. Это, с его точки зрения, облегчило бы эмансипацию евреев, адаптацию их в окружающее общество. Маскилы как раз и составляли паству Левисона-младшего. Поэтому никто из прихожан синагоги не удивился, когда их молодой раввин, за недостатком образцов еврейских проповедей, обратился к немецкой церковной риторике. Так, поначалу пока ещё поверхностно, Хофрат познакомился с христианством.

Вскоре он, однако, начал примечать, что "по временам чувствовал какую-то пустоту и тоску в сердце", и задался вопросом: "Как раввин, куда я веду вверенное мне общество?". В самом деле, находясь в эпицентре борьбы между еврейскими ортодоксами и маскилами, он увидел жестоковыйное суеверие в первых и неприкрытое безверие во вторых, а потому не спешил принять ни одну из сторон. Более того, он понял, что лишён твёрдых религиозных убеждений, и почувствовал "невыносимый труд быть учителем веры". И хотя Хофрат пользовался завидным авторитетом в своём приходе, быть понятым единоверцами в своих сомнениях он никак не мог.

Он открыл для себя Новый Завет в то самое время, когда в интеллектуальных кругах Германии шла оживлённая полемика о сущности христианства. И, не найдя счастья в своём

еврейском доме, он наметил себе новый путь. Однако и среди христиан Левисон чувствовал себя не в своей тарелке. "Римские католики казались мне слишком горячими по своему фанатизму, - признавался он, - а протестанты - слишком холодными по своему индифферентизму; не говорю уже о тогдашней полемике между ними, которая отталкивала меня как от одних, так и от других". Кроме того, сблизиться с католиками мешала генетическая память иудея о крестоносцах, инквизиторах и прочих палачах его соплеменников. В протестантах же его не устраивал воинствующий рационализм, то, как они "исказили до нелепости книги Ветхого Завета, всегда драгоценные и святые для еврея". Чего стоило, например, их утверждение, что патриархи еврейского народа - Авраам, Исаак и Иаков будто бы вовсе не существовали, а 12 колен израилевых - чистый миф и означают только 12 знаков зодиака. Хофрат риторически вопрошал: "Представьте себе положение раввина, который считает себя потомком Левия, услышавшего вдруг, что Левий никогда не существовал?". Неприемлема для него была и позиция гебраиста Вильгельма Мартина Леберехта Де Ветте (1780-1849), который книги св. Писания разделял на три разряда: от сотворения мира до Саула - чистый миф, от Саула до Кира - миф исторический, и только от Кира до наших дней - истинная история. Ему вторил и глава Тюбингенской школы Фердинанд Христиан Баур (1792-1860), который Евангельскую проповедь сводил исключительно к нравственному содержанию. Вопросы о Богочеловечестве и Воскресении он обходил как недоступные разуму, считая и основополагающие истины христианства мифами. А ученик Баура, теолог Давид Фридрих Штраус (1808-1874) доказывал, что все Евангелия несут в себе элементы ненамеренного мифотворчества и признавал существование Бога как источника природных законов. Но это исключало явление чуда как враждебного законам природы, а значит, и воле Бога.

Во время христианского праздника Пасхи в 1838 г. Левисон направился в протестантскую кирху в Веймаре, чтобы услышать знаменитого в то время проповедника, генерал-суперинтенданта Иоганна Фридриха Рёра (1777-1848), ещё одного представителя богословского рационализма в Германии. Хофрат поведал ему, что не может далее оставаться раввином, потому что в корне изменил свои убеждения, и испросил совета, как приобщиться к вере Христовой. В ответ Рёр стал всячески отговаривать его креститься, говоря, что "честным человеком может быть столько же еврей, сколько и христианин". Тем самым пастору было важно проверить искренность и твёрдость убеждений потенциального неопита. Его намерения парадоксальным образом совпали с позицией еврейских ортодоксов, чуждых миссионерства и всячески препятствовавших обращению в иудаизм неподготовленных кандидатов, которым предписывалось знание и исполнение 613 заповедей. Рёр в ответ на вопросы Левисона чётко изложил ему догматы протестантизма.

Не удовлетворённый такой жёсткой рациональностью, Хофрат попросил пастора рассказать ему что-либо о церкви восточной. Рёр дал ему прочитать "просвещающую" книгу Андрея Муравьёва (1806-1874) «Письма о богослужении Восточной католической церкви» (М., 1836), переведённую Эдуардом фон Муральтом (1808-1895) на немецкий язык (Лейпциг, 1838). Эта книга, выдержавшая 12 переизданий и переведённая на многие европейские языки, была тогда чрезвычайно востребована и популярна. Очень доступно здесь рассказывалось о содержании и значении православного богослужения и обрядов и о душевном состоянии, которое должен переживать верующий. По словам профессора Московской духовной академии Петра Казанского (1819-1878), Муравьёв "познакомил общество с учением православной Церкви, объяснил дух её богослужения... Он был, можно сказать, передовой пионер для нашей богословской науки и богословских сочинений". На Левисона труд Муравьёва оказал сильнейшее духовное влияние.

Судьбоносной стала для Левисона и встреча с посольским протоиереем Стефаном Сабининым (1789-1863), в прошлом магистром кафедры немецкого языка Санкт-Петербургской духовной академии, а тогда только что назначенным в Веймар на службу к великой княгине Марии Павловне (1786-1859). Он был тонким знатоком, автором экзегетических монографий по

истории и археологии Ветхого Завета. Дом, точнее, салон Сабина распахнул двери для заезжих поэтов, художников, учёных, музыкантов и литераторов. И это от него, европейски образованного пастыря, Хофрат получил первые наставления в вере и нравственности Православной Церкви. Под его руководством Левисон принялся за изучение русского языка и вскоре уже читал на нём книги, касающиеся православного учения.

В результате всех этих штудий Левисон решил креститься по православному обряду, одновременно став подданным Российской империи, что для иноземного раввина было по тем временам случаем беспрецедентным. По совету графа Василия Санти (1788-1841), бывшего тогда поверенным в делах русского двора в Веймаре, Левисон в октябре 1838 года отправил своё ходатайство на имя министра народного просвещения Сергея Уварова (1786-1855), но минули месяцы, а ответа всё не было. Так и не дождавшись решения, Хофрат вознамерился отправиться в Россию на свой страх и риск. Это был решающий момент в его жизни, крутой вираж судьбы. "Тогда я как бы умер для всего того, что было мне дорого, - вспоминал он, - оставил родину, своих родных, друзей и место службы". Особенно жаль было распрощаться с библиотекой, любовно им собранной: "Расставаясь с моими книгами, я как будто расставался с моими прежними познаниями и жертвовал ими теперь для любви Христовой".

Между тем, письмо его попало в св. Синод и привлекло к себе внимание. Потому, когда 4 августа 1839 года Левисон прибыл в Санкт-Петербург, церковники приняли его с распростёртыми объятиями. Новым его ментором, давшим ему окончательные наставления в Православной вере, стал Василий Кутневич (1787-1865), член св. Синода, обер-священник армии и флота. По отзывам современников, "Кутневич имел твердый и ясный ум, убеждения благонамеренные и просвещенные". Это именно он 21 октября совершил над Левисоном таинство крещения, в результате чего тот получил новое имя - Василий Андреевич. Он сразу же оказался востребованным и был назначен св. Синодом профессором Санкт-Петербургской академии, где затем восемнадцать лет преподавал еврейский и немецкий языки. Кроме того, он десять лет возглавлял кафедру еврейского языка в Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии. Левисон всегда был на хорошем счету и никогда не обвинялся в каком-нибудь ложном учении. Вскоре он получил благословение на перевод Нового Завета, а также литургии св. Иоанна Златоуста на еврейский язык (идиш), которые предполагалось использовать в миссионерской деятельности. Эта скрупулёзная работа была завершена им в 1867 году.

Распространяя свои переводы среди соплеменников и не встречая энтузиазма с их стороны, он корил их в "духовной лености": в том, что евреи отвергают книги Нового Завета, даже не читая. Иначе они, с его точки зрения, убедились бы в том, что пророчества Спасителя в точности исполнились, и что он и есть истинный Мессия. Между тем, дело было вовсе не в "лености" - евреи бережно хранили веру отцов и свою этническую идентичность. Потому-то и гетто были созданы в Европе не только стараниями христиан, стремившихся отгородиться от чужаков, но и вполне осознанными действиями самих иудеев, желавших оставить в неприкосновенности свою религию, уклад и образ жизни. Хотя новообращённый Василий Андреевич и говорил, что, "нельзя винить евреев за иудейские понятия", сам он во главу угла ставил обращение иудеев в христианство и даже часть своего жалования жертвовал на миссионерскую деятельность. Надо отметить, что и в этом ему помогал крёстный отец Кутневич, занимавшийся тогда крещением кантонистов и составивший «Наставление священнослужителям военных заведений касательно обращения воспитанников иудейского исповедания в христианскую веру». Понимание же того очевидного факта, что миссионерство на практике означало уничтожение евреев как самостоятельной "духовной нации" было Левисону чуждо.

Василий Андреевич стоял и у истоков реформы еврейского образования в России. В 1841 г. он обратился с запиской к Сергею Уварову, где обозначил цели и задачи обучения:

"искреннюю религиозность евреев обратить к христианству, привязанность их к Ветхому завету и уставам их религии обратить к Новому завету и уставам церкви христианской, любовь их к древнему их Отечеству, предкам и царям обратить в любовь к настоящему их Отечеству – России и русским государям; их сочувствие к единоплеменникам обратить на христиан; другие похвальные качества их нравственности привести к освящению через веру Христову. Кратко сказать: министерство не уничтожает того, что в духе своём имеют евреи, но то, что у них есть похвального, направляет к отечественно-русскому и христианскому". Он развивал мысль о том, что вместо нападок на раввинскую письменность правительству надлежит всячески содействовать укреплению авторитета раввинов, поскольку только через них можно влиять в нужном направлении на еврейские массы. При этом неверие иудеев – худшее из зол: ослабление их религиозного чувства опасно, ибо приведёт к распространению среди них ползущей с Запада "заразы атеизма и либерализма". Примечательно, что данная Левисоном формулировка образовательных принципов была перенесена потом практически во все официальные документы, что безусловно свидетельствовало о высокой авторитетности его мнения. Он и позднее принимал участие в трудах по устройству системы еврейского просвещения, в частности, в 1850 г. рассматривал учебную программу Виленского раввинского училища.

С 1847 г. Левисон занялся рассмотрением еврейских учебных книг при Министерстве народного просвещения и неизменно ратовал о необходимости усиления в них христианской пропаганды. В результате просмотр всех изданий был поручен ему "как в цензурном, так и в религиозно-учебном отношении". Впрочем, это поручение было дано ему "частным образом, не делая онога известным евреям".

Своё цензорское кредо он обозначил следующим образом: "Места, противные цензуре, опускаются вовсе; места, не соответствующие только общим понятиям нашего времени, ограждаются предохранительными примечаниями; а места, относящиеся до язычников, хотя не касаются особенно нас, христиан, тем не менее.. снабжаются для вящего уразумения ясными, убедительными замечаниями". Работал он в творческом тандеме с "учёным евреем" Леоном Мандельштамом (1819-1899), чьи учебники "Опыт руководства к практическому упражнению евреями в русском языке", "Краткая грамматика еврейского языка для меламедов", "Программа для испытания меламедов в еврейских предметах" он в 1848 г. одобрил к печати. Совместно они подготовили к печати двуязычное (на древнееврейском и немецком языках) комментированное издание Танаха (Пятикнижия, Пророков и Писания). Издание это было предметом гордости Левисона, отметившего, что по своему духу и содержанию оно занимало "среднее место между положительным верованием христианским и утончённым толкованием раввинов". Он вообще очень деликатно и бережно подходил к еврейским текстам, демонстрируя при этом обширные познания в области религии и философии. При этом Василий Андреевич привнёс в текст "много своих идей – идей, если не в подробностях, то в сущности чисто христианских". Сам он настолько уверовал в справедливость православной веры, что не принимал любого инакомыслия. Показательна в этой связи его оценка труда цензора Иосифа Зейберлинга, "чрезвычайно начитанного как в еврейской, так и в христианской церковной литературе": "Не могу не выразить при сем своего удивления, как при таком ознакомлении с христианскою письменностью автор мог оставаться приверженцем раввинов, принимая их народные суждения, как и прочие евреи, прямым следствием божественного законодательства Моисея".

В 1852 году он вместе с Мандельштамом и Даниилом Хвольсоном (1819-1911) вошёл в состав Комитета составления проекта наставления цензорам еврейских книг, под председательством товарища министра Авраама Норова (1795-1869). Левисон чётко сформулировал общие задачи Комитета: "Правительство говорит с народом через закон. Если теперь дан будет такой цензурный закон о евреях, в котором будет значиться, что евреи безнравственны, и эта безнравственность их имеет своё основание в еврейской литературе, то такое постановление оскорбит еврея двойной ложью". Причём ложь эта, по его разумению,

вредна не только для евреев, но и для самого государства, для его политики в области еврейского вопроса. "Со стороны еврейской литературы, - настаивал он, - не угрожает опасность ни для религии, ни для нравственности, ни для государства. Значит и цензура еврейских книг должна иметь целью только воспитание евреев, наставление их и предохранение от злоупотреблений. И если цензура хочет быть истинно христианскою, то должна иметь в виду даже сохранение еврейской литературы, потому что еврейская литература есть главное и единственное средство привести некогда евреев в царство Господа и Бога нашего Иисуса Христа".

Чтобы понять отношение Левисона к еврейской книжности, достаточно рассмотреть его запальчивую пикировку с цензором Василием Розеном, этим, по словам историка, "невежественным авантюристом". Последний в своей записке выступил против печатания еврейских молитвенников, ибо усмотрел в них "недоброжелательные и оскорбительные" для христиан выражения, "противные существующему государственному порядку". Запрещал он и книги, основанные на "сказаниях Талмуда". Предлагал даже изменить текст молитвы "Кол нидре" - одной из самых почитаемых у религиозных евреев и являющейся ключевой в литургии Судного дня. Это заставило Виленское еврейское общество обратиться к министру просвещения с прошением пощадить молитвенные книги, известные уже много веков и ежедневно нужные любому еврею. Василий Андреевич, отвергая доводы Розена, в выражениях не стеснялся и, назвал их: "Обвинение неслыханное! Клевета вопиющая!". Он утверждал, что Талмуд и произведения раввинской письменности не безнравственны, а "вся грязность и отвратительность заключается в его [Розена-Л.Б.] переводе, а не в тексте еврейских книг". И настаивал на том, что всё в записке Розена "неистинно, и потому не заслуживает внимания начальства". Примечательно, что с Левисоном солидаризовался и министр народного просвещения Платон Ширинский-Шихматов (1790-1853), отметивший священный для евреев характер Талмуда и опасность "взрыва фанатизма" при каком-либо серьёзном воздействии на него.

В связи с особым пиететом Левисона перед Ветхим Заветом иные новоявленные ревнители христианства утверждают, что православие он принял лишь формально, а на самом деле продолжал свою "иудаистскую деятельность", в подтверждение чего указывают на отзыв о нём в "Краткой еврейской энциклопедии", весьма благожелательный для ренегата, каким он был. На самом же деле Левисон сохранил полное уважение к Торе и своим бывшим единоверцам. Он отмечал: "Все люди равны перед Богом, но евреи ближе ко мне, как народ одноплемённый". В то же время его православие было вполне закономерным, и он до самой своей смерти верил в необходимость проповеди христианства среди евреев. Более того, Василий Андреевич задался целью превратить "еврейскую народность в народность православно-русскую" и детально разрабатывал технологию такого обращения. Его проповедь, будучи искренней, была во сто крат действеннее казённого или карьеристского миссионерства. В отличие от некоторых расчётливых выкрестов, он не стремился к чинам и званиям, не делал академической карьеры. Проницательный митрополит Московский Филарет (В.М. Дроздов; 1782-1867), понимая это, ходатайствовал о назначении Левисона главой всей православной миссии среди евреев России, хотя так и не смог добиться разрешения от властей, которые уже не были заинтересованы в столь активном прозелитизме.

Благожелательность же к Левисону современных еврейских биографов вызвана тем, что несмотря на перемену религии, он активно отстаивал права иудеев и часто защищал их от несправедливых наветов. Он писал: "Я далеко не согласен с теми обвинениями, которые иногда приписывают евреям, например, будто бы евреи употребляют христианскую кровь, - это ложь и выдуманная клевета". По-видимому, он имел здесь в виду сочинение, ставшее "классикой" русского антисемитизма - анонимное "Разыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их" (1844), изданное Министерством внутренних дел и приписанное лексикографу Владимиру Далю.

Когда в 1853 г. в Саратове грянул процесс по обвинению иудеев в ритуальном убийстве двух христианских мальчиков, наш герой вошёл в состав Комиссии по рассмотрению отобранных у подсудимых книг и манускриптов «с целью разъяснения тайных догматов религиозного изуверства евреев». Составленный Комиссией отчёт полностью опроверг как возможность употребления христианской крови евреями, так и оскорбление ими христианской веры или надругательство над ее таинствами. Левисон предлагал "на будущее время вовсе воспретить даже исследование и судебное разбирательство по подобным делам". Увы! – пожелание его выполнено не было: достаточно вспомнить дело об убийстве Сарры Модебадзе в Кутаиси (1878 г.) или процесса над Менахемом Бейлисом (1913 г.).

В 1857-1863 гг. Василий Андреевич принял участие в Русской духовной миссии в Иерусалиме под руководством епископа Мелитопольского Кирилла (Наумова; 1823-1866). Так сбылась мечта, о которой Левисон грезил ещё с детства. Иерусалим был всегда в его сердце (показательно, что и свою автобиографию он назовёт не иначе, как "Иерусалимские письма"), хотя смысл и образ священного города на протяжении жизни у него существенно менялись. Он вспоминал, как девятилетним мальчиком в канун Еврейского Нового года пошёл с отцом в синагогу на утреннюю службу. Богослужение этого дня называлось "Захор Берит" (помни завет) и содержало воспоминание о завете, данном Богом Аврааму, Исааку и Иакову. "Отец мой, читая эти молитвы, плакал, - вспоминал он. - Увидев его слёзы, стал плакать и я с ним, хотя я не знал причины его слёз и плакал как будто за компанию – это были первые мои слёзы о Иерусалиме". Лишь спустя годы, когда наш герой мог уже свободно переводить с еврейского языка на немецкий, он понял смысл молитвы и заплакал с новой силой. А позднее, когда читал запоем рыцарские романы, сильно скорбел об участи Иерусалима: "Как юноша, который чувствует в себе всю полноту сил, я готов был объявить войну турецкому султану и идти к Иерусалиму, чтобы взять его приступом".

Впрочем, для Левисона-студента получение степени доктора значило гораздо больше, нежели "Иерусалим со всею своею благодатью". Под влиянием маскилов и европейского образования у него постепенно развился взгляд, что Иерусалимом для еврея может быть всякое место, где он пользуется гражданскими правами наравне с коренными жителями. Таким образом, собственно Иерусалим и Палестина уже не имели тогда для него особого значения. Но в бытность его профессором Духовной академии мысль о путешествии в Святую Землю его не оставляла. Теперь Василий Андреевич стал смотреть на Иерусалим как христианин, убеждённый в истине совершенного в этом месте спасения рода человеческого. "Сколько лет я говорил и думал о Иерусалиме в разные периоды моей жизни, - писал Левисон, - после этого можете судить, как велика была моя радость, когда я, по милосердию Божию, удостоился видеть св. город; я забыл тогда всё: разлуку с Петербургом, с друзьями. Набожные евреи при виде Иерусалима раздирают свои одежды и плачут; я не рвал своих одежд, но плакал от радости и благодарил Бога, сподобившего меня видеть Его святыню".

Благодаря знанию еврейского языка, Василий Андреевич был полезен Миссии в установлении контактов с жившими в Палестине русскими и польскими евреями: как для влияния на них, так и для получения сведений об антиправославных настроениях и интригах. Однако не всё шло гладко. Израильский историк Михаил Агурский сообщил, что Левисон поначалу «оказался в нелепом положении по вине властей, запутавшихся в дипломатических интригах». Российское правительство вдруг «почувствовало неудобство» в том, что «крещёный раввин еврейский» будет состоять при Русской духовной миссии в Иерусалиме, и приказало ему следовать за миссией частным образом. Обсуждая злоключения Левисона, митрополит Филарет писал Андрею Муравьеву: «Какое благо, или пресечение какого зла заключается в том, что он пойдёт в Иерусалим не рядом с миссией, а в расстоянии нескольких сажен впереди, назади, или в стороне?». Однако Левисон, чуждый всякого тщеславия, обиды не чувствовал; напротив, он вскоре тесно сблизился с путешествующими монахами и сосредоточился непосредственно на духовных задачах. Он горячо молился о

благоденствию России, ощущая неразрывную с ней связь. Но он вновь и вновь подчёркивал непреходящее значение святого города: "Вообще об Иерусалиме можно сказать, что как в духовном смысле Новый Иерусалим – Церковь Христова имеет своё основание в Церкви ветхозаветной, центром которой был Иерусалим: так и теперь новый город, видимый нами, лежит на фундаментах и сводах Иерусалима древнего, разрушенного".

Вскоре Левисон окончательно примкнул к миссии, получив небольшой официальный пост, а также жалование, равное окладу иеромонаха. Теперь он мог уже легально обращаться к местным общинам и заняться, в частности, исследованиями древних рукописных книг, о которых был давно слышан. В апреле 1858 года Василий Андреевич попадает в библейский Сихем (современный Шхем или Наблус) – город, где некогда жительствоваали его праотцы-левиты. Здесь, у гробницы первосвященника Элеазара, его торжественно встретили самаритяне, а их глава, священнослужитель Аврам (1809-1874) дал ему кров. В своём наблусском молитвенном доме он и открыл Левисону древний кодекс Самаритянского Пятикнижия, "Абиша", которому приписывали исключительную древность. "Я стал на колена, по примеру всех других и начал читать, где было можно, потому что во многих местах буквы уже изгладились. - вспоминал Василий Андреевич. - Что я прочувствовал, Боже мой, что я прочувствовал в эти минуты: и радость, и страх!... Это может быть понято только глубокою полнотою тепло верующего сердца христианина и природного еврея. Ясно, сжато и вдруг, как озарённая мгновенным светом молнии, пронеслась в моём воображении вся судьба народа израильского со своими светлыми и тёмными сторонами, от времени написания этой книги до сего времени. На душе у меня было так хорошо, как хорошо бывает у православного человека на душе после причастия".

Эту "древнейшую единственную книгу в мире, о которой много и много говорили", до Левисона "не читал никто ни из евреев, ни из христиан". И он занялся сличением этого списка с существовавшим во времена Эзры, а также изготовлением литографической копии отрывка кодекса при помощи литографических чернил и "транспарантной автографической" бумаги. Впоследствии Василий Андреевич представил свои изыскания в записке "О самаритянском тексте Пятикнижия Моисеева".

Ученые занятия и энтузиазм Левисона привлекали внимание европейцев, как живущих в Палестине, так и путешественников. О нем сочувственно вспоминали путешествовавшие по Палестине английские исследователи Мери Элиза Роджерс "Domestic Life in Palestine" (1863) и Леди Тобин ("Land of Inheritance" (1863). Неслучайно его называют первопроходцем самаритянских исследований в России. Василий Андреевич предлагал использовать этот текст для русского Синодального перевода Библии. Однако митрополит Филарет, хотя и высоко оценил труд Левисона, в своей статье о догматическом достоинстве греческого и славянского переводов Библии с ним не согласился и оспорил приоритет самаритянского над еврейским (масоретским) текстом.

По возвращении из Палестины в 1863 г., Левисон представил в св. Синод записку "О религиозных сектах и обществах в Иерусалиме и окрестностях". Но вернуться в Санкт-Петербургскую духовную академию он уже не мог, ибо кафедру эту занял Даниил Хвольсон. Зато Василий Андреевич активно занялся переводом Танаха «исключительно с еврейского текста» на русский язык. Он, однако, успел дойти только до Книги Пророков (остальные книги Ветхого Завета были позднее переведены Даниилом Хвольсоном при участии Павла Савваитова). Публикация переводов Левисона была осуществлена Библейским Обществом в Лондоне в виде отдельных выпусков в 1866-1869 гг. А в 1866-1867 гг. вышли книги пророков Исаяи, Иеремии и Плача Иеремии; в 1867-1868 гг. пророков Иезекииля и Даниила; в 1868 г. двенадцати меньших пророков. По словам проф. Павла Юнгера, перевод пророческих книг, осуществленный Левисоном, "значительнейше превосходит предыдущие переводы близостью к еврейскому тексту, знанием русского языка и уважением к преданиям, учению и языку Православной Русской Церкви".

Впоследствии эти переводы станут органической частью синодального перевода Библии. Труды эти стали основным итогом его жизни, причём последние выпуски были получены Василием Андреевичем всего лишь за несколько дней до его кончины в 1869 г. Как отмечал историк Илларион Чистович, Левисон "предпринял и осуществил этот труд при глубоком сочувствии к интересам православной церкви".

К сожалению, о личной жизни Левисона практически ничего не известно, поэтому мы ограничились лишь его многогранной общественной и религиозной деятельностью. По своей искренности и идейной убеждённости наш герой чем-то напоминает нашего современника, отца Александра Меня (1935-1990). С точки зрения иудаизма, оба эти проповедника нанесли ортодоксальному еврейству лишь вред, тем более заразительный, что действовали они изощрённо-тонко, с помощью глубокого убеждения. Результаты их деятельности в разное время и разных обстоятельствах привели к христианству немало прозелитов. Но всё же главная заслуга нашего героя – перевод Библии на русский язык и исследование древних рукописей – имеет непреходящее значение. Именно поэтому Хофрат (Нойгаф) – Василий Андреевич Левисон, – усыновлённый Россией и ставший её деятельным патриотом, занял подобающее ему место в отечественной истории.

Editorial remarks

Впервые опубликовано: "Новый берег", №61, 2018.